

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник
Основан в 2008 году

ВЫПУСК 5

МИНСК
РИВШ
2012

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4
И87

Рекомендовано
Советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 24-11 от 6 ноября 2012 г.)

Редакционная коллегия

- А.В. Мартынюк** – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г.Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О.А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю.Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
З. Вайтковяк – доктор исторических наук (Познань)
В.А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
Л.В. Левшун – кандидат филологических наук (Минск)
А.А. Любая – кандидат исторических наук (Минск)
А.В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И.А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
Н.В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
А. Рахуба – доктор исторических наук (Варшава)
В.А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В.А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А.И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А.Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 5. – Минск : РИВШ, 2012. – 244 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2012

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ АРМЯНСКИХ ТОРГОВЫХ
КОЛОНИЙ ВО ЛЬВОВЕ И КАМЕНЦЕ-ПОДОЛЬСКОМ
И ИХ РОЛЬ В ТОРГОВЛЕ СО СТРАНАМИ
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ВОСТОЧНОГО
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.**

В основу данной статьи положен доклад, прочитанный на конференции “Union in Separation. Trading Diasporas in the Eastern Mediterranean (1200–1700)”. (17–19 февраля 2011 г. Гейдельберг, Германия).

Завоевательные войны и создание обширных империй в немалой степени способствовали развитию транзитной торговли. По мнению Томаса Олсена, расширение кочевой империи, следует рассматривать не столько как следствие масштабных миграций племен, сколько как расширение зоны политического контроля кочевников над сетью торговых путей [48, с. 84]. На важность торговли для монголов указывает «тамга», которая была своеобразным налогом на добавленную стоимость (НДС), составлявшим 5 % от всех коммерческих сделок, за исключением купли-продажи зерна [68, с. 118].

Максимальная территориальная экспансия Монгольской империи по времени совпала с изменением политической ситуации в Восточном Средиземноморье: безрезультатный крестовый поход Людовика IX в 1248–1254 гг. и захват Антиохии египтянами в 1268 г. Упадок государств крестоносцев в Восточном Средиземноморье и последствия монгольских завоеваний способствовали изменению торговых путей. Во второй половине XIII в. генуэзцы и венецианцы начинают все более активно использовать северное сухопутное направление шелкового пути, проходившее через Крым, устье Дона и владения Золотой Орды. Большие партии восточных товаров они также закупали в Александрии Египетской [42], где заканчивался южный морской торговый путь, проходивший из портов Южного Китая (Зайтун) по Индийскому океану и Красному морю.

Торговый путь из Средиземноморья на Русь через Киев продолжал функционировать и после монгольского нашествия 1239–1241 гг. Европейских купцов из Генуи, Венеции, Пизы и Акры, прибывших в Киев

через Константинополь и татарские владения, видел Плано Карпини, когда в 1246 г. проезжал через город [14, с. 84]. В Восточном Средиземноморье, особенно после падения Акры в 1291 г., в транзитной торговле возрастает роль Киликийской Армении и Кипра [4, с. 62]. Отсюда торговый путь проходил через города Великой Армении, в столицу монгольских ильханов – Табриз, а оттуда через Персию и Среднюю Азию (улус Джагатая), во владения великого хана и заканчивался в столице монгольской империи – городе Ханбалык (Пекин). В 1288 г. армянский король Лев III даровал генуэзцам привилегию на торговлю в его владениях [63, с.298–300; 46].

Самое активное участие в транзитной торговле принимало и армянское купечество. Вероятно, в Северное Причерноморье армяне попадали, главным образом, через Трапезунд и Тифлис. В 1230–1260-х гг. происходит быстрый рост армянской общины в Тифлисе. Из источников нам известны такие крупные армянские купцы как Умек/Асил (переселился из Карина/Эрзерума после разгрома города монголами) и Шадин/Шахабадин, также известный как Шнорхавор, сын Саравана. В 1251 и 1267 гг., соответственно, Умек и Шадин возводят на свои средства вторую и третью армянские церкви в Тифлисе [6, с. 270–271; 28, с. 66–67, 70–71]. Можно предположить, что строительство церквей отражает приблизительно троекратный рост числа армян в городе. Через порты Севастополь (Сухум), Фассо (Поти) и Ла Вати (Батум) тифлисское купечество могло принимать участие в черноморской торговле (плавание между Ла Вати и Таной занимало около 14 дней пути). Самый короткий путь, открывавшийся из Трапезунда к столицам державы ильханов – Табризу и Султани, благоприятные условия пребывания в трапезундском порту иностранных судов, сделали Трапезунд главным портом международной торговли XIII–XV вв. на южном побережье Черного моря (от Трапезунда до Каффы плавание продолжалось от 2 до 12 дней). В Трапезунде XIII–XV вв. проживало значительное число армян. Возможно, они имели свой квартал в городе, но источники показывают их широкое расселение по всей его территории, особенно в восточной части, а также в венецианской крепости. Армяне имели в Трапезунде своего епископа и церкви, а в окрестностях города – несколько монастырей [18, с. 296]. Судя по косвенным данным, Северное Причерноморье было хорошо известно армянским купцам и до монгольских завоеваний 1220–1240-х годов. (Армянская община в Киеве существовала уже во второй половине XI в.) [59].

Актовые записи генуэзских нотариусов Каффы 1289–1290 гг. зафиксировали самое активное участие армянских купцов и ремесленников

в экономической жизни Причерноморья. Так, с апреля 1289 по июнь 1290 г. упомянуты 3 случая фрахта армянскими купцами (объединения в 2, 3 и 10 компаньонов) генуэзских кораблей в Каффе для доставки больших партий пшеницы, проса, соли (из Чиприко на Керченском полуострове) и прочих товаров из Крыма в Трапезунд [49, с. 68, 109, 233–234]. 27 апреля 1290 г. в Каффе нескольким армянским и греческим купцам были возвращены товары, ранее захваченные у них пиратом Джурзучи (*Jurzuchi*) во время плаванья на галере [49, с. 181–182; 57, с. 271–272].

Крымские армяне не только арендовали корабли у итальянцев, но и заключали с ними разнообразные сделки. 16 июля 1290 г. каффские мясники Георгий и Савва, совместно с Фланкусом Армянином, жителем Каффы, приобрели партию вина у Оддина Банката де Чева и пообещали уплатить за него перед Пасхой (1291 г.) [49, с. 304]. 14 августа 1290 г. армянин Якоб Фрегулиа приобрел товары у Гийома де Персио, за которые пообещал заплатить 347 аспров через месяц [49, с. 375]. Итальянские купцы Петр де Бобио и Якоб де Бобио в это же время закупали у армянских дубильщиков большие партии бычьих кож (5, 14, 18 и 21 кантар), выдавая авансовые суммы и получая гарантии поставки товара через год или на Пасху 1291 г. В качестве залога семья армянских дубильщиков дает свой дом, а армянин Таркокша и его супруга Мина – своего сына (возможно, дом был уже заложен) [49, с. 160, 301, 309, 337]. Работоторговля была в Каффе обычным делом. В актах зафиксированы отдельные случаи продажи некоторыми армянами рабов (вероятно слуг, или полученных в качестве неустойки от торговых партнеров). Так, 1 июня 1290 г. каффский армянин свечник Савва продал рабыню (10-летняя Аркона родом из Венгрии) Мартину де Предоно [49, с. 215]. Целенаправленно работоторговлей армяне не занимались, она была сосредоточена в руках итальянских купцов, поставлявших рабов в Египет и Италию [66; 73]. В это же время на рынке Каффы действовал и переводчик (*drogumano*) армянин Стефан, также неоднократно фигурировавший в качестве свидетеля при заключении сделок между армянами и итальянцами [49, с. 220, 233–234].

В результате активных деловых отношений с итальянцами, крымские армяне были вовлечены в торговлю Восточного Средиземноморья. Так, 23 июня 1289 г. армянин Петр продал свои товары генуэзцу, который обещает через 8 дней отдать ему 29 иперперов, как только прибудет его корабль из Перы [49, с. 105]. Армянин Килакос (Киракос?) из Казарета (*Chilacos erminio de Cazarese*) 18 июля 1289 г. дал в долг итальянцу

Рафаэлу Эбриаку, который обязуется отдать 2000 аспров через 15 дней, когда к нему прибудет корабль из Сирии, из Арзуфа (*in Siria loco ubi dicitur Sur*) [49, с. 120].

Можно предположить, что и некоторые армянские купцы из Киликии также в это время бывали с торговыми целями в Крыму и даже поселялись здесь. На это может указывать сделка, заключенная в Каффе 24 июня 1290 г.: сириец Иоанн (*Johannes Sorianus*) признает получение ссуды от армянина Христофана, жителя Каффы, или Сорхата из Лаяццо (*Christofano erminius, habitator de Caffa, sive de Sorchati de Laizo*), суммы в 1800 аспров барикатс, которые обещает вернуть через полтора года. В качестве залога он отдал Христофану свой дом, расположенный в Каффе [49, с. 220]. Вероятно, армянин Христофан, был уроженцем портового города Лаяццо/Аяса в Киликии, а на момент сделки уже проживал в Каффе или Сорхате (соседний с Каффой Сорхат/Солхат – важный торговый центр с многочисленной армянской общиной), и продолжал поддерживать торговые связи с Восточным Средиземноморьем. Сириец Иоанн, также имевший дом в Каффе, очевидно, за полтора года должен был успеть совершить плавание в Сирию и вернуть взятую в долг сумму.

В конце XIII – начале XIV в. армянские колонии в Крыму существовали в Каффе, Судаке (Солдаия/Сурож) и Сурхате (Солхат/Казарат). Согласно генуэзскому Уставу Каффы (*Impositio officii Ghazarie*) в 1316 г. в городе было уже три армянские церкви [43, с. 827]. Со временем крымские армяне (из Каффы и Сорхата/Казарата) начинают более активно осваивать Северное Причерноморье и Приазовье. Так, в сохранившихся источниках середины XIV в. отражена их деятельность в устье Дуная (Килия и Ликостомо), Днестра (Аккерман) и Дона (Тана/Азак). Именно по этим крупным рекам купцы из Причерноморья отправлялись вглубь Восточной Европы для закупки зерна, воска и мехов, или же непосредственно в этих итальянских факториях заключали сделки с восточноевропейскими купцами, привозившими сюда свои товары.

В памятных записях книг проповедей, переписанных священником Тертером Ереванци в Азахе/Тане в 1339 и 1341 гг., упоминается местная армянская церковь св. Григория Просветителя [31, с. 329–330]. Следовательно, армянская община в Тане существовала уже довольно давно и была достаточно состоятельной, чтобы возвести церковь. Тертер также описывает свое путешествие из родного Еревана через Грузию и далее морем в Каффу и оттуда в Азах. В нотариальных актах 19 сентября 1359 г. упоминается армянская судебная курия в Тане [19, с. 190].

По подсчетам С.П. Карпова, среди 443 свободных лиц, фигурирующих в актах Таны 1359–1360 гг., было 7 армян [62, с. 79]. Тана была известна как центр торговли рыбой, икрой, кожами и рабами. Поэтому город притягивал к себе не только крымских армян, но и армянских купцов из более отдаленных регионов, которые зачастую оседали в Танае. Так, 28 июля 1360 г. в сделке о купле-продаже рабов фигурирует армянин Аслан, сын покойного Сирима (Ширина/Сурена?) из Арзерона (Эрзерума), житель Таны (*Astlan condam Sirim de Arzeron armenus habitator in Tana*) [19, с. 190].

Крымские армяне, посещавшие Килию и Аккерман с торговыми целями, зафиксированы в генуэзских актах 1340-х и 1360-х годов. Так, 17 апреля 1344 г. в Килии Андреоло де Вендури продал армянскому купцу ходже Амиру из Тифлиса, горожанину Каффы (*Coia Amir de Tefelix, burgensi de Caffa*), русскую рабыню и ее двухлетнего сына за 4150 аспров [53, с. 102–103]. Таким образом, Амир из Тифлиса переехал в Каффу и уже получил городское гражданство (он назван «burgensi», а не «habitor», как в случае, если бы был просто «жителем»). В старинной армянской церкви Успения Богородицы в Аккермане (совр. Белгород-Днестровский) в стены вделаны мраморные плиты в память об умерших (возможно, некоторые плиты более раннего происхождения были позже вделаны в стены церкви). Одна из надписей, датированная 1351 г., упоминает господина Кутчсена, оплакивающего свою мать [25, с. 66]. 14 сентября 1360 г. армянин Григо(рий), сын покойного Арабеца, житель и горожанин Килии (*Grigo Erminius, quondam Arabec, habitator et burgensis Chili*), продал 20-летнюю рабыню-монголку Тойдани за 5 соммов Иоанну де Монтероссо, жителю и горожанину Перы [50, с. 107–108]. Как видим, если каффинец Амир из Тифлиса только бывал в Килии по делам, то Григорий жил здесь постоянно и уже получил гражданство Килии.

Дунай и его притоки связывали Килию с Венгрией, Молдавией и Галицкой Русью, откуда на черноморский рынок поставлялись зерно и воск. 30 октября 1360 г. каффинский армянин Саркис, сын Константина (*Sarchis Erminio de Caffa, filio Constantini*), заключил в Килии договор с Ягопом из Венгрии, сыном покойного Бартоломея, жителем Килии (*Yagop de Ungaria, quondam Bartholomei, habitator Chili*), согласно которому Ягоп обязался доставить Саркису в Килию крупную партию воска (5 кантаров) на Пасху 1361 г. В залог, Ягоп оставил Саркису 13-летнюю рабыню Алеkesу. Одним из свидетелей заключения сделки выступил местный армянин Сабадим/Шабадин (?) (*Sabadim Erminio, habitatore*

Chili) [50, с. 193, 194]. Упомянутый Саркис из Каффы также ранее фигурировал в качестве свидетеля в сделках 25 августа и 14 сентября 1360 г. («*Sachis de Caffa, habitatore Chili*» и «*Sarchis Erminio de Caffa*») [50, с. 58, 111]. Причем, в первом случае, он назван «жителем Килии», следовательно, подолгу жил здесь, или окончательно перебрался из Каффы. В сделках, заключенных в Ликостомо (Вилково в дельте Дуная) 13 сентября 1373 г., фигурируют: 17-летний армянин Мхитар и двое его советников/поручителей (?) – Абрам и Георгий, армяне из Каффы (*Machitar maiorem esse annis XVII, cum consilio Abram Erminii de Caffa et Georgii Erminii de Caffa*) [53, с. 197]; и армянин Спинула, уже гражданин Генуи (*Erminium Spinulam civem Ianue*) [53, с. 200–201].

Возможно, армянские купцы бывали в Галицкой Руси еще в правление князя Даниила (1238–1264). По крайней мере, львовские армяне в ходе своей судебной тяжбы с магистратом города Львова (1578–1600 гг.) утверждали, что их предков на земли Руси пригласил именно Даниил, а его сын Лев поселил во Львове [12, с. 195]. Более того, в ходе судебного процесса 1578 г. армяне даже предъявили «малую грамотку старую» князя «Даниила Федоровича» [17, с. 368–369]. По нашему мнению, эта «грамотка» могла быть письмом князя Даниила к крымским армянам, дававшим гарантии свободного и безопасного прохода в его владениях. Охранные грамоты, гарантировавшие безопасность купцам и их имуществу, были обычным явлением в позднем средневековье во многих странах. Подобная практика была весьма распространена в заморских колониях Генуи и Венеции. Как натурализованным, так и прочим торговым партнерам итальянских купцов, могли выдаваться и личные привилегии, например, полное или частичное *salvum conductum* – охранная грамота, необходимая для въезда в некоторые итальянские города и фактории, также предполагавшая право на ведение торговли [18, с. 323]. Подобным образом, по свидетельству Иоганна Шильдбергера, была организована торговля итальянцев с Египтом: «Иностранные вельможи или купцы, которые посещают короля-султана, получают от него предварительно *подорожную*, которую подданные короля читают не иначе, как став на колени. Затем, поцеловав письмо, возвращают его предьявителю, которому оказывают всяческие почести и водят его из одного места в другое, по его желанию» [42].

Практика выдачи охранных грамот купцам имела место на Руси уже во второй половине XIII в. Так, недатированное письмо (между 1267 и 1272 гг.) от золотоордынского хана Менгу Тимура (1266/7–1281) к новгородскому князю Ярославу (1266–1271/2) требует от последнего га-

рантий свободного прохода немецких купцов из Риги в его владения. Ярослав, также недатированным письмом, дал подобные гарантии: «Менгу Темерово слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость. От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ по моеи волости; а кто мне ратнии, с тимъ ся самъ ведаю; а гостю чистъ путь по моеи волости» [9, с. 57]. Можно также предположить, что охранную грамоту армянским купцам из золотоордынских владений Даниил мог выдать по их просьбе во время своего визита в ставку Бату-хана на Нижней Волге в 1245–1246 гг. Практика выдачи таких грамот купцам бытовала в Галицко-Волынском княжестве и позже. Так, специальной грамотой от 27 августа 1320 г. галицкий князь Андрей Юрьевич разрешил купцам из Торуня свободный въезд в свои земли, беспошлинную торговлю и компенсацию убытков и обид нанесенных его слугами в двойном размере, как и «во времена нашего блаженной памяти отца» [24, с. 152–158] (т. е. князя Юрия Львовича). В тот же день была издана грамота для краковских купцов, в которой, однако, были предусмотрены пошлины [24, с. 158–161]. В конце весны 1341 г. староста Русской земли Дмитрий Дедько издал грамоту для торуньских купцов, приглашая их возобновить прерванную войной торговлю [24, с. 194–200]. Письмо литовских князей Кейстута и Любарта к мещанам города Торуня (исследователи датируют документ временем после 1341 г.) гарантирует безопасную торговлю в их владениях на Волыни: “ω(т) князя. ω(т) кестутя. и ω(т) князя ω(т) либорта. у торунь к местичемъ. што іесте просили. насъ. абыхомъ васъ пустили до лучцька търговать. через берестие. абы вамъ. не закажали. мы хочемъ. ради то учинити. вамъ не блюдитесь. ничего. поидите. а коли которыи. торговецъ поидеть. торговать ис торуня через берестие до лучьска без печали будте. а кто поидеть съ сею грамотою. через дорогычинь. чесь мелникъ. и черес берестие. до лучьска. торговать. ис торуня. язъ князь кестути. не велю ихъ заимати” [8, с. 23–24].

Также, по нашему мнению, к охранным грамотам может быть отнесена и грамота князя Федора Дмитриевича, внесенная львовскими армянами в Коронную Метрику в 1641 г. [27, с. 228–229; 55, с. 60–61; 56, с. 4]. Поскольку в 1641 г. армяне существенно дополнили текст грамоты новыми деталями, в том числе и датой, аутентичность этого источника вызывала серьезные сомнения исследователей [10]. Хотя оригинал грамоты не сохранился, но видевший ее профессор Ф.-К. Захариасевич по памяти воспроизводит текст: «Ото князя Феодора Дмитриевича косохацким армянам: преидили на мою руку, дам вам вольность на три лита»

(«Oto Kniazia Teodora Dmytrowicza Kosochackim Armenom: Prejdili na moju ruku dam wam wolnost na try lita», последних слов не помню») [83, с. 10]. По мнению А. Петрушевича и И. Линниченко, Феодора Дмитриевича можно отождествить с князем Федором Любартовичем (христианское имя Любарта было Дмитрий) [32, с. 421–422; 27, с. 229], княжившим на Волыни в 1377–1393 гг.

Несомненно, крымские купцы «сурожцы» бывали на землях Галицко-Волынского княжества во второй половине XIII в. Так, летописец упоминает «сурожцев», в одном ряду с «немцами», «новгородцами» и «жидами», среди жителей стольного города княжества – Владимира, оплакивавших смерть волынского князя Владимира Васильковича в 1288 г.: «И тако плакавшися надъ нимъ все множество володимерчевъ: мужи, и жены, и дети, немци, и сурожъце, и новгородци, и жидове плакахуся» [5, с. 408]. Под «сурожцами» в русских летописях XIII–XIV вв. понимали именно крымских купцов, независимо от их этнической или конфессиональной принадлежности [30]. Генуэзцы и венецианцы предпочитали везти товары из своих колоний в Северном Причерноморье и Приазовье по морю, тем не менее, функционировала и сухопутная, так называемая «Татарская дорога» (*via Tartarica*), проходившая через степи современной Украины до Львова и далее на запад, в том числе и в Италию. Наиболее раннее известное нам упоминание о передвижении купцов по суше из Северного Причерноморья и Приазовья в Италию, связано со слухами об осаде торговой колонии Таны (в устье Дона) войсками золотоордынского хана Джанибека. 14 марта 1344 г. Сенат Венеции принял решение дожидаться более точных сообщений, привезенных купцом, прибытие которого ожидалось из Кракова. Причем сенаторам было известно, что этот город расположен в шести днях пути от Львова [75, с. 54]. Это говорит об известности Львова как торгового центра, если именно от Львова шесть дней пути до Кракова, между прочим, столицы Польского королевства, в отличие от Львова, не имевшего подобного статуса. На знаменитом «Каталанском атласе», созданном в 1375 г. по данным предыдущего периода, Львов обозначен как склад восточных товаров [52, с. 52–53].

Не вызывает сомнения то, что армянские купцы из Северного Причерноморья уже во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. бывали во Львове. В 1349 г. польский король Казимир III завоевал Галицкую Русь и Львов, где уже существовала юридически автономная армянская община. 17 июня 1356 г. Казимир III даровал Львову «немецкое (магдебургское) право», в соответствии с которым, мещане должны

были во всех делах (в т.ч. и уголовных) отвечать перед войтом, а тот, в свою очередь, перед королем, или, по его поручению, перед старостой (*capitaneus*), но только в соответствии с «немецким» правом. Затем в грамоте король сделал оговорку относительно статуса «иных народов, живущих в этом городе» (*aliis gentibus habitantibus in eadem civitate*). Им он предоставил возможность выбора: «А если откажутся судиться по магдебургскому праву, коим упомянутый выше город должен пользоваться, тогда упомянутые нации: армяне, иудеи, сарацины, татары, русины и все иные нации, кои там (в городе) будут находиться, могут поставить и решить любой вопрос в соответствии с правом своей нации, но при председательстве городского войта на том (их) суде» [35, с. 27–28]. Из этого следует, что еще до польского завоевания общины не католиков имели собственную автономную юрисдикцию и судились по своим правам. Казимир III подтверждает существовавший до него порядок вещей, но с оговоркой, что отныне в суде любой «городской нации» председательствовать должен городской войт (обязательно католик). На существование самостоятельного армянского суда до польского завоевания указывает и фундаментальное исследование Освальда Бальцера [54]. Таким образом, армянские купцы из Северного Причерноморья могли достигать Львова с коммерческой целью уже в середине XIII в. и постепенно оседать в городе, а в середине XIV в. их община здесь была довольно укорененной и многочисленной, чтобы сохранить право на самоуправление и отдельный суд даже после реформирования правовых основ жизни города в 1356 г.

Более того, строительство в это же время новой каменной церкви указывает на численный рост армянской общины Львова. Как и в большинстве случаев в диаспоре, церковь была возведена на средства армянских купцов. Сохранилась дарственная грамота армян Якоба, сына Шахиншаха, из Каффы, и Панаса (Панасии/Паноса), сына Абрахама, из Нагела, армянской общине города Львова на церковь Пресвятой Богородицы (Львов, 30 августа 1363 г.) [65, с. 41–42]. Можно предположить, что Нагел (Nahel) – это искаженное название города Габал (древний Библ, араб. Джебель), расположенного на средиземноморском побережье Сирии, крупного торгового центра Леванта. Здесь существовала генуэзская фактория, а в *массарии* Каффы 1381 г. фигурирует 14 человек выходцев из Джебела, причем один из них носит имя в форме весьма характерной для армян той эпохи – Агопша (*Agopssa*) [34, с. 359].

В актовом документе Львова за 1382–1389 гг. неоднократно упоминаются сыновья Паноса – Аслан и Абраам (*Asslany Armeni filio Panosso*;

Abraham Panossowicz) [70, с. 1, 8, 16, 17, 47, 64, 108]. Можно предположить, что свои капиталы, достаточные для возведения церкви, эти купцы заработали на транзитной торговле, приведшей их во Львов, где они теперь намеревались прочно осесть, потому и возвели новую церковь, ибо прежняя (Св. Анны, предположительно возведенная во второй половине XIII в.) [23, с. 125; 13, с. 12], вероятно, уже не соответствовала растущему числу прихожан. Строительство новой церкви также связано и с переносом во Львов из Луцка престола армянского епископа, епархия которого включала в себя земли бывшего Галицко-Волинского княжества. Верительная грамота (кондак), выданная 13 июня (января?) 1364 г. католиком Месропом I Львовскому епископу Григорию, обозначает пределы его епархии, включавшей армянские приходы Львова, Владимира, с их уделами, и Луцка [13, с. 9]. В 1367 г. король Казимир III специальной грамотой утвердил епископа Григория на новой кафедре [55]. Тот факт, что именно во Львове теперь находилась резиденция армянского епископа, указывает на возросшее значение местной армянской общины, рост которой, не в последнюю очередь, был, по нашему мнению, вызван перемещением торговых путей и растущим значением Львова в транзитной торговле между Западной Европой и Северным Причерноморьем, через которое на запад поставлялись восточные товары.

В Луцк, Львов и Владимир купцы из Северного Причерноморья добирались по так называемому «Татарскому пути», проходившему через степи Правобережной Украины. В первой половине XIV в. на этом пути существовал целый ряд караван-сараев и торговых поселений. Несомненно, поездки купцов по этому пути на Волынь («сурожане» во Владимире в 1288 г.) и в Галицкую Русь предшествовали возникновению здесь развитой инфраструктуры. Раскопки последних пятнадцати лет в одном из таких городов – Синие Воды (сейчас село Торговица Новоархангельского района Кировоградской области Украины), выявили типичные для золотоордынских городов элементы инфраструктуры – остатки печей-тандыров, керамических труб водопровода, бани-хаммам [21, с. 20–22]. На время существования города и функционирование торгового пути указывают находки монет, начиная с хана Токты (1290–1312) и до Кульны и Навруза (1359–1360) [21, 24]. По мнению исследователей, именно в этом регионе великий князь Ольгерд разбил татарское войско в битве на Синих Водах в 1362 г. Поход Ольгерда, а также затянувшиеся междоусобицы в самой Золотой Орде, привели к упадку города и всего торгового пути. В подконтрольном эмиру Мамаю городе Орде (городище Кучугуры под совр. Запорожьем) чеканились монеты

ханов Абдуллаха (1361–1370) и Мухаммед-Буляка (1370–1380). Однако ни одной монеты их чеканки не выявлено раскопками в Торговице/Синих Водах [21, 25–26]. Торговля из Северного Причерноморья пошла по новому, более безопасному, пути через города недавно возникшего Молдавского княжества. Перенос торгового пути привел к упадку значения Луцка и Владимира и росту роли Львова в восточной торговле (что сопровождалось также ростом численности армянской торговой колонии во Львове).

Ассортимент восточных товаров, поставлявшихся из Крыма, частично может быть реконструирован благодаря завещанию львовского купца, армянина по происхождению, Тайчадина, сына покойного Иваниса (*Tayczadin filius condam Iwanis*). 18 июня 1376 г. Тайчадин, «пребывающий в ожидании своей смерти, в здравом уме, хотя и ослабленный каким-то недугом», составил завещание [47, с. 49–50; 70, с. 93–95]. В завещании приведен перечень товаров, которые «упомянутый Тайчадин имеет с собой во Львове 37 камней перца и пол камня муската, и жемчуга имеет три фертонa без полтретей [т. е. 2,5] злотника. Также имеет три фунта хорошего шелка и пять фунтов дешевого шелка. Также имеет двух коней» (Камень (*lapis, lapidis*) – от 32 до 40 фунтов (львовский фунт = 405, 224 г), таким образом, камень = 1620 г, или около 1,5 кг.). Можно предположить, что эти восточные товары – шелк, перец, мускат и жемчуг – Тайчадин приобрел в Каффе, либо они были доставлены во Львов его крымскими партнерами. Так, один из них должен ему 60 коп грошей (*sexagena* – условная денежно-счетная единица, содержащая 60 грошей): «Также упомянутый Тайчадин имеет у Ходжи Мансура, горожанина Каффы, 60 коп грошей франконских». Ходжи Мансур, вероятно, регулярно бывал во Львове, поскольку в завещании указано, что наследники/опекуны «должны получить из упомянутых 60 коп грошей, числящихся за упомянутым Ходжи Мансуром, как только застанут его во Львове».

Более того, католик по вероисповеданию, Тайчадин жертвует деньги католическим церквям Львова и Каффы, что, по нашему мнению, указывает на его возможное переселение из Каффы во Львов, и последующие коммерческие поездки в Каффу. Вероятно, именно в Каффе Тайчадин перешел из армянской веры в католическую. Католические миссионеры весьма активно занимались прозелитизмом в Крыму [76, с. 92], а папа римский Иннокентий XXII в своей булле 1318 г., учредил отдельную Каффскую епархию, охватывавшую территорию от Варны в Болгарии до Сарая в Орде [43, с. 827]. Более того, в 1318 г. Иннокентий XXII направил специальное послание армянскому духовенству Каффы (*Venerabili*

fratri Archiepiscopo Armenorum, et dilectis filiis presbyteris per Caphensem doecesim constitutis) [74, с. 172]. Во Львове в 1370-х годах существовала небольшая община армян-католиков [44, с. 352–353]. Арабское имя армянина Тайчадина (араб. «венец веры») [7, с. 193], по нашему мнению, может свидетельствовать о его (или его родителей) происхождении из Северной Сирии, где в позднем средневековье проживало довольно много армян. На момент рождения Тайчадина (первая половина XIV в.) арабские имена еще не были распространены среди крымских татар. Наречение армянами своего сына арабским именем кажется нам более уместным в среде, где было много арабов-христиан (а в Сирии их проживало очень много) и смысл имени был понятен окружающим.

Скорее всего, в Каффу шелк поставлялся из Трапезунда. Наиболее дешевым был китайский шелк, широко вывозившийся из Табриза в Трапезунд и Лаяццо с конца 1250-х до середины 1340-х годов. Импорт китайского шелка был выгоден не из-за его качества (оно было посредственным), а из-за дешевизны: в XIII в. он стоил в Генуе в три раза дороже, чем в Китае. Более высокого качества был шелк прикаспийских областей [18, с. 115]. Показательно, что ассортимент товаров, бывших во Львове у Тайчадина и упомянутых в его завещании 1376 г., совпадает с товарами венецианского купца Томмазо Санудо, умершего в Трапезунде в 1374 г. Среди его товаров также преобладали перец, шелк и жемчуг [18, с. 267].

Руй Гонзалез де Клавихо, посол короля Кастилии к Тимуру/Тамерлану в 1403–1406 гг., отмечал в своем отчете, что главными торговыми центрами в державе Тимура являются Табриз и Султания, соединенные сетью почтовых станций (ямов) со столицей – Самаркандом, куда поставлялись товары из Китая и Индии. Согласно Клавихо, на рынках Табриза продаются шелковые и хлопковые ткани, тафта, шелк-сырец, пряности, жемчуг, драгоценные камни и ювелирные изделия. Как пишет Клавихо, каждый год летом в Султанию приезжают купцы из христианских земель, а именно из Каффы и Трапезунда, а также мусульманские купцы из Турции, Сирии и Багдада для заключения сделок [58]. Таким образом, товары, имевшиеся у Тайчадина во Львове, и перечисленные в его завещании, поставлялись из Китая, Индии и Персии, по морю через Ормуз и по суше через Самарканд, Султанию, Табриз, Трапезунд, по Черному морю в Каффу, а уже оттуда Тайчадин и его партнеры привозили их во Львов. Далее в Центральную и Западную Европу эти товары поставлялись через Краков.

По подсчетам краковской исследовательницы Б. Вырозумской, в актовых книгах Кракова за период с 1372 по 1501 г. упомянуто всего 42 ар-

мянина [67, с. 5]. Жили они преимущественно на улице Гродзкой (Замковой), которая вела от королевского замка на Вавеле в собственно город (получивший магдебургское право в 1257 г.) [67, с. 7]. В Кракове никогда не было армянской церкви или прихода. Более того, имеющиеся данные о браках армян с местными мещанами, свидетельствуют о том, что это были армяне, принявшие католицизм. Все они со временем ассимилировались в мещанской среде. Отсутствие крупной армянской колонии в столице Польши, крупном центре транзитной торговли, по нашему мнению, является следствием как религиозной нетерпимости мещан-католиков, так и нежеланием терпеть в городе торговых конкурентов. Армянские торговые колонии во Львове и Каменце сформировались еще до польского завоевания Галицкой и Подольской земель в 1349 и 1432 гг., соответственно. Поэтому мещане-католики в этих городах вынуждены были смириться с наличием армянских купцов и ремесленников, чьи права были подтверждены королями Казимиром III (1333–1370) и Владиславом II (1386–1434).

Помимо Ходжи Мансура во Львове в эти же годы бывали и иные купцы из Каффы, которые фигурируют в книге актовых записей Львова за 1382–1389 гг. В акте от 20 июня 1386 г. упоминается «почтенный муж Лазарь, армянин из Каффы» (*honestus vir Lazar Armenus de Caffa*), которому львовские купцы-армяне Иванис, сын Григория лавочника, и Амир, возвращают долг за полученные от него 4,5 камня шелка-сырца [70, с. 63]. 28 февраля 1388 г. львовский толмач Качарис берет на поруки Петра Реддуша и обещает выплатить его долг 30 марок грошей Шададину из Каффы (*Schadadinum de Kapha*) на ближайшую Пасху [70, с. 96]. Качарис/Хачерис, несомненно, был армянином и как толмач/переводчик также выполнял функции посредника на львовском рынке. Судя по всему, армянином был и Шададин. Вероятно, к армянам можно отнести и Антония из Солхата (*Anthוניus de Solchaten*), который 10 сентября 1382 г. признает продажу своей лавки, расположенной недалеко от (львовской) ратуши, Григорию, зятю армянского священника [70, с. 7]. На армянское происхождение Антония (арм. Айтон/Гетум) может указывать не только проживание в Солхате/Сурхате, где тогда располагалась многочисленная армянская община, но и тот факт, что, как и в двух ранее упомянутых случаях, армянские купцы из Крыма предпочитали иметь дело с армянами львовскими, а не иноверцами.

Подобная ситуация была характерна и для начала XV в., что отражено в книге доходов и расходов городского совета (рады) Львова. Так, в записи от 20 февраля 1406 г. господра райцы (ратманы – члены городского

совета) заявляют, что прощают Ганушко Черкису (*Hanusco Czerkis*) невыплаченную подать с «300 коп [грошей], которые он имеет в Татарии (*quas habet in Tartaria*), из коих до сих пор не платит подать, но когда эти 300 коп вернут, тогда должен сам заплатить городу [всю] сумму подати» [71, с. 20–21]. Прозвище или имя «Черкис» было распространено среди львовских армян в конце XIV – начале XV в. и, возможно, является искаженной формой весьма популярного тогда армянского имени Серкис/Саркис. Таким образом, это указывает на армянское происхождение Ганушко Черкиса. Под «Татарией», вероятно, следует понимать Крым. Несомненно, Ганушко Черкис имел какие-то деловые связи с крымскими купцами, задолжавшими ему крупную сумму – 300 коп грошей.

Ганушко был весьма богатым купцом и неоднократно ссужал городскому совету крупные суммы. Так, 5 августа 1406 г. Ганушко Черкис ссудил городу 40 коп широких грошей, для обеспечения приема свиты князя Свидригайла [71, с. 32]. 20 июля 1407 г. райцы (*consules*) вернули Ганушко Черкису 2 копы широких грошей, которые он ранее ссудил городу [71, с. 53]. Также из подобных записей можно узнать, на чем Ганушко Черкис заработал свой капитал, и что именно ему поставляли из Крыма. 23 октября 1409 г. господа райцы возвращают Иоанну Черкису 2 копы за ковры (*pro tapetis*), взятые ими для почтения господина короля (Владислава II Ягайло) [71, с. 84]. 11 апреля 1412 г. от Ганушко Серкиса были получены 2 ковра стоимостью две копы для почтения неуказанной особы. С этой же целью были взяты шелковые материи «камки» (цветная шелковая узорчатая ткань, нередко с золотыми нитями, которая изготавливалась как в Китае, Персии и Сирии, так и в Генуе, Лукке и на Кипре [18, с. 120]) от купцов Хасбея (стоимостью 5 коп) и Иваниса (стоимостью 4 копы) [71, с. 117]. 5 августа 1406 г. городской совет получил от армянина Асвадура 4 постова (*stamina*) шелка для почтения короля и королевы во Львове. Этот шелк поставил ему Иолбей из Луцка (*Iolbey de Luczko*) [71, с. 32]. 3 февраля 1408 г. райцы возвращают Стефану Керекбею пол камня перца стоимостью полторы копы, данные им для почтения господина старосты Флориана. Город возвращает Хасбею 50 польских марок, выплаченных по королевским счетам. Юрко Корку дано было 9 флоринов за «камки», подаренные госпоже королеве [71, с. 53]. Показательно, что бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (*Guillebert de Lannoy*), посол королей Англии и Франции, в ходе своего пребывания во Львове в 1421 г., также был почтен шелковыми тканями: «синьоры и горожане дали мне очень большой обед и подарили шелковую материю, а армяне, бывшие там, подарили мне шелковую мате-

рию, устроили для меня танцы и дали мне случай хорошо пообедать и побеседовать с дамами» [37, с. 36]. Таким образом, восточные товары, которые армянские купцы поставляли во Львов из Крыма в XIV – начале XV в. включали: шелк-сырец, шелковые ткани («камки»), ковры, пряности (перец, мускат) и жемчуг.

Судя по именам, Юрко Корк, Стефан Керекбей, Иолбей, Хасбей и Иванис также были армянами по происхождению. Стефан Керекбей, Андрей Хасбей и Юрко Корк неоднократно упоминаются при заключении сделок на львовском рынке, где фигурируют перец, камка и прочие восточные товары, что указывает на их участие в восточной торговле или связи с купцами из восточных стран. В реестре налогоплательщиков 1413 г. указана профессия Юрка – толмач [71, с. 119]. Многие богатые армянские купцы принимали католическую веру, чтобы получить равные права с мещанами-католиками, в частности возможность пользоваться равными с католиками городскими привилегиями. Католиком был и Ганушко Черкис. Богатство и принятие католической веры открыло ему путь в ряды львовского патрициата. Трижды, 22 февраля 1408, 1409 и 1413 гг. Иоанн Черкис/Серкис (*Iohannes Czerkis/Serkis*) упомянут среди вновь избранных членов городского совета (*consules*) [71, с. 63, 78, 121], коих всего насчитывалось 6.

Таким образом, часть крымских армян в середине – второй половине XIV в. оседала в Килии, Аккермане и Львове, а также в городах, через которые проходил так называемый «Молдавский» торговый путь, связывавший эти ключевые пункты транзитной торговли между Востоком и Западом. Так, в кондаке католикоса Теодороса II от 13 августа 1388 г. об утверждении Львовским армянским епископом Иоганнеса Насратиняна обозначены приходы его епархии, включающие Львов, Сирет, Сучаву, Каменец, Луцк, Владимир, Киев, Молдавию и Ботин (Хотин или Ботошаны?), а также Енкисалай (Ени-Сарай/Новый Сарай) [13, с. 10]. Рост численности армянского населения в регионе между Карпатами, Днестром и Черным морем в этот период был настолько существенным, что уже в самом конце XIV в. от Львовской епархии Армянской церкви была отделена Молдавская епархия с центром в Сучаве. Молдавский господарь Александр Добрый своей грамотой от 30 июля 1401 г. утвердил во главе новой епархии армянского епископа Оганеса [60, с. 21]. Имеется также единичное свидетельство, что в 1459/1460 г. в Белгороде/Аккермане/Монкастро была резиденция армянского епископа Николайоса, которому подчинялись армяне, жившие «на территории княжества воеводы Стефана, то есть в Молдавии [31, с. 150–152; 78, с. 14].

Из Аккермана торговый путь на север проходил через Молдавию, а именно через ее важнейшие города – Сучаву и Сирет. Далее, одно ответвление пути вело во Львов и оттуда в Краков, другое – через Каменец-Подольский в Луцк и Владимир, и оттуда в Люблин, Торунь и Гданьск, наконец, третье – также через Каменец-Подольский в Киев. Следовательно, расширение армянской диаспоры на западно-украинских и молдавских землях явилось следствием создания крымскими армянами торговой сети, отвечавшей их коммерческим интересам. И центром этой сети с 1360-х годов являлся Львов. Иные армянские купцы, продолжали жить в Крыму, совершая коммерческие поездки во Львов, где продавали свои товары преимущественно единоверцам (но также и католикам), и закупали товары местного производства. Можно предположить, что это была, главным образом, продукция сельского хозяйства.

По Дунаю и его притоку Пруту в Килию поступала сельскохозяйственная продукция (главным образом пшеница, но также и воск) из Молдавии, Валахии и, возможно, Венгрии. (Выше мы уже упоминали заключение в Килии сделки 30 октября 1360 г. между каффинским армянином Саркисом и Ягопом из Венгрии, согласно которой Ягоп обязался доставить Саркису в Килию крупную партию воска (5 кантаров) на Пасху 1361 г.) [50, с. 193]. В сентябре 1360 г. итальянскими и византийскими купцами в Килии были заключены сделки о морских поставках крупных партий пшеницы (60 и 500 модиев) в Константинополь, Перу (итальянский квартал в столице Византии) и Фамагусту (Кипр) [50, с. 128–129, 135–136].

Очевидно, что подобную роль выполнял в это время и Аккерман, расположенный на берегу Днестровского лимана. По Днестру сюда было удобно транспортировать пшеницу из Подолья, которая по морю доставлялась в Константинополь и Восточное Средиземноморье. Очевидно, именно богатый экспортный потенциал Подолья и возможность выхода к черноморским портам привлекали к нему внимание польских феодалов. Вскоре после завоевания Галицкой Руси Казимир III (1333–1370), совместно с венгерскими союзниками, предпринял в 1354 г. неудачный поход в Подолье. Первое достоверное упоминание об армянах в Аккермане может быть датировано по надписи на мраморной плите, вделанной в стену старой армянской церкви Успения Богородицы: «Это Господне знамение, им отвергается клеветник; господин Кучсен оплакивал смерть своей матери, ибо был <...> благоразумен и мудр. Лета армянской эры 800 (1351)» [25, с. 66].

Воспоминания о золотом веке подольского зернового экспорта были актуальны и два века спустя. Польский гуманист Станислав Сарницкий

(1532–1597) в своем «Описании древней и новой Польши» (1585) отмечал: «Был некогда Белгород рынком многолюдным и доступным для наших людей. Ибо, во времена Казимира до самого Кипра доходили грузовые суда, груженные подольской пшеницей» [79]. На момент издания его книги Белгород уже столетие находился в руках османов и от прежней зерновой торговли остались лишь воспоминания. Воспоминания, однако, были весьма актуальны для местных землевладельцев, поскольку вследствие «революции цен» и «хлебного бума» в Западной Европе в XVI в. рос спрос на продовольственные продукты. В отличие от шляхты собственно польских земель, которая транспортировала зерно по Висле к Гданьску на Балтийском море, подольской шляхте удобнее было бы вывозить зерно по Днестру к Белгороду и далее по Черному морю в страны Средиземноморья. В этом были заинтересованы и венецианцы, изгнанные турками из Черного моря, но сохранявшие под своей властью Кипр (1473–1571). В ином своем сочинении – «Анналы, или о происхождении и деяниях поляков и литовцев» (1587) – С. Сарницкий писал о некоем венецианском посольстве, бывшем у Сигизмунда I (1506–1548) с целью восстановить экспорт подольской пшеницы через Белгород на Кипр: «Подобным образом Республика Венеция тщетно возобновить для своей пользы желала, и напрасно (ее) послы просили короля польского Сигизмунда Старого, и при этом приводили пример древних королей сарматских и также Казимира Великого, который более двухсот лет назад передал им в пользование эти земли, и порт предоставил, и Кипр самостоятельно с этого времени могли обеспечивать пшеницей. Ибо тогда Кипрское королевство все еще пребывало под властью венецианцев» [80, с. 56].

Папский нунций в Польше (1563–1565 гг.) Джованни Франческо Коммендони в своем письме из Варшавы от 25 марта 1563 г. писал послу Венеции о важном торговом значении Белгорода: «В устье Днестра есть город Белгород, некогда владение молдавского господаря, а сейчас занятый турками, в котором проживает много армян и иных купцов, ведущих разнообразную торговлю» [69, с. 99]. Далее нунций излагал проект вывоза зерна и прочих товаров по рекам к Черному морю и далее в Венецию, поскольку «и до сего дня, армяне и евреи по этим рекам ввозят некоторое количество товаров в королевство, и намного больше ввозили бы, если бы перекопские татары, проживающие на Таврическом полуострове, не нападали так часто на польские земли» [69, с. 101]. Именно через Белгород в 1432 г. к польскому королю Владиславу II прибыло посольство от Иоанна, короля Кипра (также носившего титул короля

Армении и Иерусалима). Польский историк Ян Длугош упоминает, что посольство прибыло по морю, высадилось в Белгороде и далее путешествовало через Молдавию и Русь [61, с. 62–63].

Во второй половине XIV в. центром экспорта подольского зерна к Белгороду, вероятно, становится новый город – Каменец-Подольский. После разгрома войск татарских феодалов в битве на Синих Водах в 1362 г. великий князь Литовский отдал Подольскую землю во владение своим племянникам – князьям Кориатовичам. 7 ноября 1374 г. князья Юрий и Александр Кориатовичи даровали Каменцу самоуправление («немецкое право») для привлечения в город как можно большего числа мещан [29, с. 208–209]. Уже в 1388 г. Каменец упоминается среди приходов Львовской армянской епархии. Следовательно, к этому времени в городе была значительная армянская община, которая была в состоянии возвести церковь и содержать священника. Вероятно, армяне обосновались в Каменце с самого момента его основания, а в Подольской земле бывали и раньше (в 1360-х или даже в 1350-х годах), вывозя отсюда зерно в генуэзские колонии Северного Причерноморья. По мнению С.П. Карпова именно армянские, греческие и проч. купцы поставляли продовольствие из внутренних районов в приморские города, где продавали его генуэзцам и венецианцам [18, с. 281, 299, 333].

Только Владиславу II Ягайло (1386–1434) удалось в 1430–1432 гг. захватить Западное Подолье с Каменцом. Ян из Чижова, польский наместник Подольской земли, в грамоте каменецким армянам от 13 августа 1443 г., подтвердил все права (равные с мещанами-католиками права продавать ткани и прочие товары), которые были ранее им предоставлены литовскими князьями Кориатовичами [72, с. 147–148]. Братья Кориатовичи – Юрий, Александр, Константин и Федор – правили здесь с 1363 по 1394 г.

В армянской церкви Каменца хранился церковный требник («Чашоц»), переписанный армянским священником Степаном в крымском городе Сурхат/Солхат [39, с. 179]. 15 августа 1394 г. в этой книге была сделана памятная запись о ее приобретении Синаном, сыном Хутлубея, из Каменца [11, с. 64]. (В записи также упоминаются его мать Сарухатун и супруга Этиль-мелик). В 1398 г. Синан подарил требник армянской церкви св.Николая, построенной на его же средства в Каменце: «После написания, через сорок пять лет купил его господин Синан из Каменца, сын Хутлубея, и даровал на память о себе выше упомянутой церкви св. Николая, эры Армянской 847 [года], и Господней 1394 [года], августа 15 [дня]. И затем господин Синан на свои собственные сред-

ства возвел эту церковь св. Николая эры Армянской 847 [года] и Господней 1398 [года], как видно из фундаментальной грамоты той же церкви, хранящейся в нашем магистрате» [72, с. 144–145]. Несомненно, Синан был богатым купцом, занимавшимся транзитной торговлей между Каменцом и портами Северного Причерноморья. Именно прибыли от этой торговли позволили ему возвести за свой счет каменную церковь в Каменце, также как в 1363 г. поступили во Львове армянские купцы Якоб, сын Шахиншаха, житель Каффы, и Панас, сын Абрахама, житель Нагела. Вероятно, Синан приобрел требник во время торговой поездки в Крым, чтобы подарить строившейся на его средства церкви в Каменце. Возможно также, что Синан происходил из Сурхата и позже осел в Каменце. Интересно, что 5 сентября 1407 г. в списке членов армянской общины Львова – плательщиков налога на недвижимость – фигурирует некий «Захария Куттлубей из Каменца» (*Zacharia Cuttlubey de Kamencz*), заплативший одну из самых крупных сумм – 40 грошей (в то время как выплата за один дом составляла 20 грошей) [71, с. 40–41]. Указание на то, что он «из Каменца» может свидетельствовать, что либо он недавно переселился во Львов из этого города, либо по-прежнему жил в Каменце, но при этом еще владел недвижимостью во Львове. Можно также предположить, что Захария был сыном Куттлубея/Хуттлубея и братом Синана. Наконец, небезосновательной может быть и гипотеза о том, что Захария и Синан это одно и то же лицо, которое в одном случае выступает под своим профанным тюркским именем Синан, в другом – под христианским именем Захария.

По нашему мнению, приведенные примеры переселения армянских купцов во Львов, Каменец и города Молдавского княжества в 1360-х – 1390-х годах, могут быть объяснены не только их коммерческими интересами, но и ситуацией политической нестабильности, охватившей Золотую Орду после смерти хана Бердибека в 1359 г. Междоусобные войны составляют важный период, известный как «великая замятня», знаменовавший закат политического могущества Золотой Орды. Степи Северного Причерноморья и Приазовья, а также Крым, были зоной политической нестабильности, начиная с битвы на Синих Водах в 1362 г. и до битвы на Ворскле в 1399 г.

В конце упомянутой грамоты 1363 г. (о передаче церкви Пресвятой Богородицы во Львове местной армянской общине) приведен список свидетелей – полномочных представителей общины: четыре духовные особы и 12 светских (старшие, т. е. члены армянского суда присяжных). Наконец, после всех подписался секретарь суда – Хосров Аваконци

(*Cosroes Auaconcius*). Мы склонны отождествить его с армянским писарем Хосровом, который 22 января 1356 г. в городе Сургате/Сурхате закончил переписывать богослужебную книгу «Чашоц» [77, с. 90]. Как видим, и Хосров, весьма далекий от торговли слугитель пера, также переселился во Львов из Крыма в промежуток времени между 1356–1363 гг.

1360-е годы были периодом наибольшей политической нестабильности в Крыму. Памятные записи (колофоны) армянских рукописей, переписанных в те годы в городах полуострова, описывают бедствия местных армян и тревожные ожидания еще больших несчастий, толкавшие многих к эмиграции. Позволим себе привести несколько примеров. (Солхат, 1363 г.) «В это время было много сумятицы и волнения от рук временных завоевателей, поскольку не было ни вождя, ни царя, который мог бы восстановить мир, потому что, как сказал Господь: «разделившееся царство не устоит». Поэтому наместник этого города копает рвы; он копает рвы вокруг этого города, и он разрушает многочисленные жилища до основания. И было много разрушений, и все были преисполнены страха ...» [77, с. 93]. Ранее, города Золотой Орды не имели укреплений, поскольку железная дисциплина в монгольской армии и суровые наказания за нарушение законов «Ясы» Чингис-хана обеспечивали относительно безопасное существование горожан. Грим (т. е. Эски Крым, совр. Старый Крым, одно из названий Солхата, 23 августа 1365 г.): «во времена суетливой тревоги, поскольку люди и животные со всей страны, простиравшейся от Кеца (Керчи) до Сарукармана (Херсонес), собрались тут; и Мамай [сейчас] в Карасу с многочисленными татарами; и наш город дрожит и шатается ...» [77, с. 93]. В соседнем с Солхатом Карасу (совр. Белогорск) Мамай собирал войска, что вызвало страх горожан. Кафа (15 августа 1365 г.): «в лихие и тяжелые времена. В этом году, прибыл <...> Чалибег, из народа измаильтян, убивавший христиан и державший всю окружающую страну в страхе и трепете день и ночь ...» [77, с. 94]. Казария/Казарат (1368 г.): «был ужасающий голод, уничтоживший бесчисленное множество людей ...» [77, с. 97]. Сурхат/Солхат (1371 г.): «[татарские] князья и полководцы, собранные на севере, убивают друг друга. Мы надеемся, что милостивый и немстительный [Господь] будет милостив ко всем нам, так, что те из нас, кто был пленен и обратился в бегство в разные места, не будут, за наши грехи, вновь ограблены ...» [77, с. 97–98]. Наконец, в 1363–1366 гг. эпидемия чумы свирепствовала во владениях Золотой Орды и на Руси.

Спасаясь от войны, голода, эпидемии, разрушений и неопределенного будущего, крымские армяне переселялись не только во Львов и неко-

торые другие украинские города, но и на острова Эгейского моря, пребывавшие в то время во владении латинян. Так, 7 июня 1363 г. Сенат Венеции рассматривал просьбу армян, происходящих из области Черного моря, позволить им обосноваться со своими семьями на острове Крит. Сенат постановил, что следует принять и устроить их как можно лучше [75, с. 105]. А уже 1 июля 1363 г. Сенат удовлетворил ходатайство некоего армянского архиепископа (*archiepiscopus Arminorum*) и даровал армянам, происходящим из областей Черного моря и недавно прибывшим на Крит, церковь и место для жилищ, а также льготы на 4 года [75, с. 107]. 8 февраля 1366 г. Орден госпитальеров, базировавшийся тогда на Родосе, даровал выгодные условия неким армянам из Митилены для поселения на острове Кос. Посланцем этих армян был Ванос из Каффы (*Vanes de Cafra Armenus*) [64, с. 131]. Очевидно, эти армяне из Каффы первоначально прибыли в город Митилену на острове Лесбос, а уже отсюда обратились с просьбой к госпитальерам (а может быть и не только к ним). Таким образом, миграция армян из Крыма в 1360-х годах была разнонаправленной и приобрела довольно значительный размах. Свидетельством определенного оттока армян из Каффы могут служить и подсчеты Мишеля Балара, произведенные по данным бухгалтерской книги *массари* 1386 г. В записях о сделках за этот год больше всего упоминаний греков – 267 имен, на втором месте армяне – 91 [51, с. 84].

С политикой могущественного эмира Мамая, фактического правителя западной части Золотой Орды, тесным образом переплелась судьба армянского купца Некомата Сурожанина [30]. Из русских летописей известно, что в 1375–1383 гг. Некомат неоднократно совершал поездки в Москву и Тверь, в ходе которых не только осуществлял коммерческую деятельность, но и выполнял дипломатические поручения Мамая (преимущественно секретного характера). Некомат был посредником в отношениях Мамая с тверским князем Михаилом Александровичем и Иваном Васильевичем, опальным сыном московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Поражение на Куликовом поле и убийство Мамая в Солхате или Каффе привели к гибели и его доверенного лица Некомата. В 1383 г. «убиень бысть на Москве некий брехь именем Некоматъ за некую крамолу» [33, с. 85]. В наиболее ранней книге актовых записей магистрата города Львова 1382–1389 гг. в записи о сделке от 14 ноября 1386 г. упомянут некий «Авахав, сын покойного Некомата» (*Awachaw filius quondam Necomath*) [70, с. 69]. Мы считаем возможным отождествить этого Некомата с Некоматом Сурожанином русских летописей. Некомат Сурожанин был казнен в 1383 г., что со-

гласуется с записью во львовских актах 1386 г. о сделке Авахавы сына покойного Некомата. «Авакбарун, сын Некоматы» (*Awackbarun filius Nekamaty*) упомянут в реестре сбора налога с армян домовладельцев Львова от 5 сентября 1407 г. [71, с. 40–41]. Случай Некомата и его сына Авакбаруна является, по нашему мнению, удачным примером создания торговых сетей на основании родственных связей. Судя по всему, Некомат осуществлял коммерческие операции на направлении Крым – Тверь и Москва, а его сын Авак торговал между Крымом и Львовом. Вероятно, Авак (Авахав, Авакбарун) окончательно перебрался во Львов после поражения и гибели Мамай, покровителя его отца, и казни самого Некомата в Москве. Крымские купцы-сурожане совершали регулярные поездки в Москву в правление князя Дмитрия Ивановича. Нескольких из них он взял с собой из Москвы в 1380 г. во время похода навстречу войску Мамай. Л.С. Хачикян идентифицирует большинство этих купцов-сурожан как армян и греков [41]. Вероятно, в это же время армянские купцы бывали и в Новгороде [2].

В XV в. все большее значение для армянских купцов Львова приобретает торговля с Молдавским княжеством и торговый путь, проходивший по его землям (через Черновцы, Сирет, Сучаву, Галац) как в Килию и Аккерман, так и во владения османов, прежде всего, в столичные города Адрианополь и Константинополь. О том, насколько «Молдавский путь» был освоен армянскими купцами свидетельствует грамота молдавского господара Александра Доброго от 8 октября 1408 г. Грамота регулировала пребывание в его владениях купцов из Польского королевства, в том числе устанавливала размеры пошлин и пункты, в которых их надлежало уплатить. В частности на переправе через реку Прут у города Черновцы надлежало уплатить пошлину от каждого воза: «А оу Черновци отъ Немецкого воза мыто четыре гроши, а от Орменьского воза шесть гроши. А на перевози и отъ Немецких возъ целыхъ и отъ Орминьских по четыре гроши» [16, с. 42].

С «армянского воза» бралась большая пошлина, поскольку армянские возы были большего размера, соответственно, на них помещалось больше товаров, чем на «немецких возах». Так, армянский путешественник Симеон Лехацци (уроженец города Замостья) пишет о завершающем этапе своего путешествия, когда он в 1619 г. из Стамбула возвращался во Львов, присоединившись к каравану армянских купцов из Польши: «[В Стамбуле] мы оставались два месяца, пока не прибыл польский караван. Присоединившись к нему, мы сели в *большую телегу, [запряженную] тремя лошадьми*, и оправились в Польшу» [26, с. 242].

Тот факт, что «армянский воз» к 1408 г. стал привычной единицей таможенных выплат, свидетельствует о том, что к этому времени армянские купцы, наряду с «немцами» (т. е. католиками), были обычным явлением в Молдавском княжестве. Вновь этот тариф, с упоминанием «армянского воза», встречается в грамоте господаря Штефана Великого (1457–1504) от 3 июля 1460 г. [40, с. 112], что указывает на постоянный характер армянской торговли через земли Молдавского княжества.

Военно-политические события 1390-х годов отразились и на изменении торговых путей в Причерноморском регионе. В 1395 г. среднеазиатский правитель Тимур/Тамерлан в ходе войны с ханом Тохтамышем подверг полному разгрому золотоордынские города – центры транзитной торговли – Сарай ал-Джедид (Новый Сарай), Хаджитархан (Астрахань), Тану (Азак) [3, с. 157] и Солхат (Старый Крым) [15, с. 88]. Несомненно, Тимур преследовал цель подорвать экономическое могущество Золотой Орды и способствовать перемещению грузопотока на торговые пути, проходившие через его владения. И это ему удалось. Как отмечал кастильский посол Руй Гонзалез де Клавихо, в ходе своей поездки в Самарканд в 1403–1406 гг., генуэзские и венецианские купцы из Каффы и Трапезунда приезжали для закупки восточных товаров в Табриз и Султанию, входившие в состав империи Тимура. Ранее, итальянские купцы из Крыма предпочитали ездить за восточными товарами через Тану/Азак в Сарай. Стремлением установить свой контроль над торговыми путями, шедшими из Крыма, можно объяснить и походы великого князя литовского Витовта (1392–1430) в союзе с бежавшим к нему Тохтамышем. В 1397 г. Витовт дошел до устья Днепра, где соорудил замок Св. Иоанна. В 1398 г. Витовт достиг Крыма, откуда вывел в свои владения часть татарского и караимского населения [81, с. 148–149; 82]. Однако, поражение Витовта и Тохтамыша от золотоордынского хана Темир-Кутлуга и эмира Едигея, которое они потерпели в битве на реке Ворскле 12 августа 1399 г., положило конец литовскому продвижению на юг.

1390-е годы ознаменовались также установлением османского господства на Балканах. В 1389 г. на Косовом Поле были разгромлены сербы, в 1396 г. под Никополем в Болгарии было разбито войско западных крестоносцев. Столица османов в 1365 г. была перенесена из Бурсы в Адрианополь (Эдирне). Северным пределом османских владений стал Дунай, служивший также южной границей Молдавского княжества. Через земли княжества проходил торговый путь из Константинополя по морю в Килию, Белгород/Аккерман, Яссы, Сучаву, Львов, Краков, Регенсбург. Именно по этому маршруту проследовал около 1425–1427 г.

Иоганн Шильтбергер после почти 30 лет пребывания в странах Востока. Примечательно, что от Килии Шильтбергер путешествовал с купцами: «По истечении трех месяцев император отправил нас на галере в замок, именуемый Килия, близ устья Дуная. Там я расстался со своими товарищами и присоединился к купцам, с которыми прибыл в город, именованный по-немецки Белым и находившийся в Валахии. Отсюда – в город по имени Аспар-Сарай [Яссы. – А.О.], оттуда в Сучаву, главный город Малой Валахии, а потом в другой город, называемый по-немецки Лемберг. Это – главный город в меньшей Белой России. Там я пролежал больной три месяца, а затем приехал в Краков, главный город в Польше, оттуда – в Мейсен в Саксонии, и в Бреслав, главный город в Силезии. Наконец, через Эгер, Регенсбург и Ландсгут» [42]. Из Килии в родную Баварию Шильтбергер мог бы плыть по Дунаю, но предпочел сделать крюк через Львов и Краков. Вероятно, дунайский путь в это время был небезопасен и купцы, к которым он присоединился, предпочитали северный маршрут через Молдавию и Польшу.

Помимо морского пути, соединявшего Аккерман и Каффу, в первой четверти XV в. все еще функционировала дорога, проходившая через степи Причерноморья в Крым. Именно этим путем в 1421 г. последовал бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа, после того как молдавский господарь Александр Добрый «определенно подтвердил сведения о смерти турецкого императора и о большой войне, которая шла по всей стране... И что никак нельзя переправиться через Дунай, потому что никто из его людей не был настолько смел, чтобы отважиться меня перевезти. И, таким образом, мне следовало переменить решение ехать через Турцию. И с намерением испробовать обогнуть Великое море я отправился сухим путем в Каффу». Ланнуа проезжал через Монкастро/Белгород, и отметил в своем отчете, что в нем «обитают генуэзцы, валахи и армяне» [37, с. 439].

Однако распад некогда могущественной Золотой Орды сделал степи Причерноморья весьма опасными для путешественников, на что через пол века позже указывал венецианский посол Амброджо Контарини, в 1474 г. ехавший из Киева в Каффу: «Город [Киев] стоит у границ с Татарией; в нем собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России; объединившись в караваны, они идут в Каффу, однако часто бывают захвачены, как бараны, татарами» [3, с. 211]. Из Киева Контарини ехал через Черкассы, переправился через Днепр и по степным дорогам добрался в Каффу, а оттуда морем (по совету армянина Морака – посла персидского шаха к папе римскому) в Ба-

тум [3, с. 213–214], далее через Грузию, Армению, Табриз и Султанию в Исфахан. Путь от Киева до Табриза занял у Контарини почти три месяца (с 11 мая до 4 августа).

Таким образом, проникновение армянского купечества в Северное Причерноморье, молдавские и западно-украинские земли связано с изменением торговых путей в результате монгольских завоеваний и создания Монгольской империи (впоследствии распавшейся на четыре государства). Можно выделить следующие этапы. С середины XIII в. и до середины XIV в. армянские торговые колонии возникают в Северном Причерноморье, в городах, контролируемых генуэзцами и венецианцами. Как правило, армянское купечество (из Армении, Грузии, Киликии) поставляло в портовые города (Каффа, Судак, Килия, Монкастро) восточные товары, которые затем местные армяне по «Татарскому пути» через степи доставляли в города Галицко-Волынского княжества (Владимир, Луцк, Львов), где возникают армянские общины. Отсюда армянские купцы везли обратно сельскохозяйственную продукцию (воск, зерно, кожи), которую сбывали в портовых городах. На втором этапе, междоусобицы в Золотой Орде и битва на Синих Водах в 1362 г. привели к упадку «Татарского пути» и формированию «Молдавского пути», а также оттоку части армянского населения из Крыма. В результате в 1360–1380-х годах возникает ряд армянских колоний в Сучаве, Яссах и Каменце-Подольском. Растет значение Килии и Монкастро. Походы Тамерлана и Витовта в Крым в 1390-х только усилили эти тенденции. Приходят в упадок армянские колонии во Владимире и Луцке, центр армянской диаспоры и епархии перемещается во Львов. Третий этап начинается с турецких завоеваний во второй половине XV в. (захват Константинополя в 1453 г., Каффы и Судака в 1475 г., Килии и Монкастро в 1484 г.). Упадок и распад Золотой Орды в середине XV в., а также целенаправленные усилия турецкого султана (переселение части итальянского, армянского и греческого купечества из городов Причерноморья), приводят к концентрации торговли между Восточной Европой и Восточным Средиземноморьем в Стамбуле. Именно этот город до конца XVII в. оставался главной целью коммерческих поездок армянских купцов Львова и Каменца-Подольского (хотя некоторые из них достигали торговых центров Малой Азии, Армении и Персии). В немалой степени, процветанию сети армянских торговых колоний в Крыму, Молдавском княжестве и восточных владениях Польской короны, способствовало их

тесная кооперация с армянским купечеством Ближнего Востока и Венечии.

Список литературы

1. Айбабина, Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Кафы / Е.А. Айбабина, С.Г. Бочаров // Византийский временник. – 1997. – Т. 57. – С. 211–233.
2. Айвазян, К.В. Култ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII–XVI вв.) / К.В. Айвазян // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С.255–332.
3. Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971.
4. Близнюк, С.В. Торгово-экономические отношения Кипра с государствами Средиземноморья в 1192–1373 гг. / С.В. Близнюк // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С.50–81.
5. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 236–425.
6. Гандзакеци Киракос. История Армении. – М., 1976.
7. Гафуров, А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрок / А. Гафуров. – М., 1987.
8. Грамоти XIV ст. – К., 1974.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Изд. С.Н. Валк. – М., 1949.
10. Дашкевич, Я.Р. Грамота Федора Дмитриевича 1062 року (Нарис з української дипломатики) / Я.Р. Дашкевич // Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР. – К., 1962. – № 4 (54).
11. Дашкевич, Я.Р. Кам'янець-Подільський у вірменських джерелах XIV–XV ст. / Я.Р. Дашкевич // Архіви України. – 1970. – № 5. – С.57–66.
12. Дашкевич, Я.Р. Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники исследования темы) / Я.Р. Дашкевич // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (1982 г.). – М., 1984. – С. 177–195.
13. Дашкевич, Я.Р. Давній Львів у вірменських та вірменсько-кипчацьких джерелах / Я.Р. Дашкевич // Україна в минулому. – Київ-Львів, 1992. – Вип. 1. – С. 7–13.
14. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М., 1997. – С.30–85.
15. Егоров, В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. / В.Л. Егоров. – М., 1985.
16. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв.: Документы и материалы в 3-х т. – М., 1965. – Т. 1.
17. Капраль, М.М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст.: Соціально-правові взаємини / М.М. Капраль. – Львів, 2003.

18. Карпов, С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С.П. Карпов. – М., 1990.
19. Карпов, С.П. Латинская Романия / С.П. Карпов. – СПб., 2000.
20. Карпов, С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. / С.П. Карпов // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 191–216.
21. Козир, І.А., Чорний, О.В. Локалізація місця битви на Синіх Водах 1362 р. у світлі нових джерел / І.А. Козир, О.В. Чорний // Український історичний журнал. – 2012. – № 2. – С. 11–27.
22. Крамаровский, М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. / М.Г. Крамаровский // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 141–157.
23. Крипякевич, И.П. К вопросу о начале армянской колонии во Львове / И.П. Крипякевич // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – К., 1965. – Вып. 2. – С. 122–127.
24. Купчинський, О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV ст. Дослідження. Тексти / О. Купчинський. – Львів, 2004.
25. Кучук-Иоаннесов, Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму Хр. Кучук-Иоаннесов // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества. – М., 1903. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 33–75.
26. Лехаца, С. Путевые заметки. / С. Лехаца – М., 1965.
27. Линниченко, І. Суспільні верстви Галицької Русі XIV–XV ст. / І. Линниченко. – Львів, 1899.
28. Маргарян, А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» / А.Г. Маргарян // Кавказ и Византия. – Ереван, 1982. – Т. 3. – С. 64–72.
29. Молчановский, Н. Очерк известий о Подольской земле / Н. Молчановский. – Киев, 1885.
30. Осипян, А.Л. Был ли предателем Некомат Сурожанин? (сюжет из истории отношений московского князя Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамая / А.Л. Осипян // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). – Нижний Новгород, 2010. – С. 353–360.
31. Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С. Хачикян. – Ереван, 1950. (на арм. языке)
32. Петрушевич, А. Обзор важнейших политических и церковных происшествий в галицком княжестве с половины XII до конца XIII в. / А. Петрушевич // Зоря галицкая. – 1853. – № 37.
33. Полное собрание русских летописей. – М., 1963. – Т. 28.
34. Пономарев, А.Л. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. / А.Л. Пономарев // Причерноморье в средние века. – СПб.: Алетейя, 2000. – Вып. 4. – С. 317–443.

35. Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М. Капраль. – Львів, 1998.
36. Привілеї національних громад міста Львова (XIV–XVIII ст.) / Упор. М. Капраль. – Львів, 2000.
37. Путешествие Гильберта де Ланнуа по Южной России в 1421 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1852. – Т. 3.
38. Путешествия Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Университетские известия. – Киев, 1873. – № 8.
39. Сецинский, Е. Город Каменец-Подольский / Е. Сецинский. – К., 1895.
40. Українські грамоти XV ст. – К., 1965.
41. Хачикян, Л.С. «Гости-сурожане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище (К вопросу об их национальной принадлежности) / Л.С. Хачикян // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С. 333–357.
42. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / И. Шильтбергер. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vostlit.by.ru/Texts/rus3/Schiltberger/text2.htm>. – Дата доступа: 17.01.2011.
43. Юргевич, В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 году / В. Юргевич // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одеса, 1863. – Т. 5. – С. 627–837.
44. Abracham, W. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi / W. Abracham. – Lwów, 1904. – Т. 1.
45. Abu-Lughod, J.L. Before European Hegemony: the World System A.D. 1250–1350 / J.L. Abu-Lughod. – New York, 1989.
46. Actes passés en 1271, 1274 et 1279 a l'Aias (Petite Arménie) et á Beyrouth par devant des notaries génois/ Par le Ch.Cornelio Desimoni. – Gênes, 1881.
47. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1872. – Т. 3.
48. Allsen, T.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 / T.T. Allsen // Asia Major, third series. – 1989. – Vol. 2. – no. 2. – P. 83–126.
49. Balard, M. Gênes et l'Outre-Mer / M. Balard. – Т. 1: Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289–1290. – Paris, La Haye, 1973.
50. Balard, M. Gênes et l'Outre-Mer / M. Balard. – Т.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzio. 1360. – Paris, La Haye, 1980.
51. Balard, M. Continuïte ou changement d'un passage urbain? Caffa genoise et ottomane / M. Balard // Le paysage urbain au Moyen Age: Actes du XIe Congrès de la Société des Historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public (Lyon, 1980). – Lyon, 1981. – P. 79–131.
52. Balard, M. Gênes et la mer Noire (XIIIe–XVe siècles) / M. Balard // Revue Historique. – Vol. 270. – Paris, 1983. – P. 31–54.
53. Balbi, G., Raiteri, S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV) / G. Balbi, S. Raiteri. – Genova, 1973.

54. Balzer, O. Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie / O. Balzer. – Lwów, 1909.
55. Barącz, S. Rys dziejów ormiańskich / S. Barącz. – Tarnopol, 1869.
56. Bischoff, F. Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg / F. Bischoff. – Wien, 1864.
57. Brătianu, G.I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290) / G.I. Brătianu. – Bucarest, 1927.
58. Clavijo. Embassy to Tamerlane 1403–1406 / Trans. by Guy Le Strange. – New York and London, 1928. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/clavijo/cltxt1.html>. – Дата доступа: 25.12.2010.
59. Dachkevitch, Ya. Les Arméniennes à Kiev (jusqu'à 1240) / Ya. Dachkevitch // Revue des études arméniennes. – Paris, 1973–1974. – Vol. 10. – P. 114–131; 1975–1976. – T. 11. – P. 323–375.
60. Documenta Romaniae Historica. – Bucureşti, 1975. – T. 1.
61. Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. – Liber XI et XII (1431–1444). – Varsaviae, 2001.
62. Karpov, S.P. Tana – Une grand zone réceptrice de l'émigration au Moyen Âge / S.P. Karpov // Migrations et diasporas mediterraneennes: Xe–XVIe siecles: actes du colloque de Conques, octobre 1999 / reunis par Michel Balard et Alain Ducellier. – Paris, 2002. – P. 77–89.
63. Langlois, V. Mémoire sur les relations de la république de gènes avec le royaume Chrétien de la Petite-Arménie pendant les XIII et XIV siècles / V. Langlois. – Paris, 1860.
64. Lutrell, A.T. The Hospitallers' interventions in Cilician Armenia: 1291–1375 / A.T. Lutrell // The Cilician Kingdom of Armenia / Ed. by T.S.R. Boase. – New York, 1978.
65. Obertyński, S. Die Florentiner Union der Polnischer Armenier und ihr Bischoffskatalog / S. Obertyński // Orientalia Christiana. – 1934. – Vol. 36. – No. 1. – S. 5–68.
66. Origo, I. Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / I. Origo // Speculum. – 1955. – Vol. 30. – № 3. – P. 321–366.
67. Ormianie w średniowiecznym Krakowie. Wypisy źródłowe / Wyd. B. Wyrozumska. – Kraków, 2003.
68. Ostrowski, D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influence on the Steppe Frontier, 1304–1589 / D. Ostrowski. – Cambridge, 1998.
69. Pamiętniki o Dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujące listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza / Zebrał J. Albertrandi biskup Zenopolitański. Z rękopismów włoskich i łacińskich wytłómaczył J. Krzeczkowski. – Wilno, 1851. – T. 1 (1563).
70. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. – T. 1: Najstarsza księga miejska. 1382–1389 / Wyd. A. Czołowski. – Lwów, 1892.
71. Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. – T. 2: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1404–1414 / Wyd. A. Czołowski. – Lwów, 1896.

72. Przewdziecki, A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów / A. Przewdziecki. – Wilno, 1841. – T. 1.

73. Quirini-Popławska, D. Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnym średniowieczu / D. Quirini-Popławska. – Kraków, 2002.

74. Raynaldus Odoricus. Annales ecclesiastici. – T. 15 (1305–1334). – Coloniae Agrippinae, 1691.

75. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie / Par F. Thiriet. – Paris, La Haye: Mouton, 1958. – T. 1 (1329–1399).

76. Richard, J. La papauté et les missions d’Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles) / J. Richard. – Rome, 1998.

77. Sanjian, A.K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. A Source for Middle Eastern History / A.K. Sanjian. – Cambridge, Mass., 1969.

78. Siruni, H.Dj. Țara voevodului Ștefan / H.Dj. Siruni. – București, 1941.

79. Stanisłai Sarnicii. Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo. – Kraków, 1585.

80. Stanisłai Sarnicii. Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum, libri octo. – Kraków, 1587.

81. Tyszkiewicz, J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. / J. Tyszkiewicz. – Warszawa, 1989.

82. Tyszkiewicz, J. Karaimi litewscy w czasach Witolda i sprawa przywileju datowanego rokiem 1388 / J. Tyszkiewicz // Studia Źródłoznawcze. – 1997. – T. 36. – S. 45–64.

83. Zachariasiewicz, F.-X. Wiadomość o Ormianach w Polsce / F.-X. Zachariasiewicz. – Lwów, 1842.

Приложение

**Грамота королевского наместника Яна из Чижова, каштеляна и старосты краковского, подтверждающая права и привилегии каменецких армян, данные им ранее подольскими князьями и подтвержденные покойным королем Владиславом II (1386–1434)
[Каменец-Подольский, 13 августа 1443 г.]**

Johannes de Czyżow Castellanus et Capitaneus Cracoviensis, nec non Serenissimi Principis Dom. ac Dni Wladisłai Dei gratia Hungariae Polonie, Dalmacie, Croatiae etc. Regis, in Regno Polonie locum tenens, Significamus tenore praesentium quibus expedit, universis praesentibus et futuris, praesentium notitiam habituris. Quod in hac Comisione Camenecensi cum multis dominis personaliter fueramus congregaty, tandem ad nostram accedentes praesentiam, Armeni Civitatis Camenecensis, jura et munimenta sua per dominum nostrum Regem Wladiślaum Divae et eterne recordationis ipsis concessa praedixerunt, in quibus vidimus contineri, quod sua Serenitas eosdem Armenos gratiis prosequendo, ipsis jura et libertates in quibus per p(r)ae(de)cessores suos Duces Podolienses conservabant, concessit ac donavit

graciose; ipsis juribus hisce, quibus Cives Catholici Civitatis Camenecensis utuntur adaugendo et frui concedendo, universos ac singulos actus mereitoriales ducendi eque cum Civibus Catholicis, in vendendis pannis et aliis rebus quibus-vis plenariam concedendo libertatem. Quo circa, vobis Capitaneis, Wojevodis et quibus-vis officialibus, nec non advocates, Consulibus et Scabinis totique communitati civitatis Camenecensis, vigore Regie et auctoritate, qua faugimur, Mandamus quatenus omnes et singulos Armenos Camenecenses nostram hanc libertatem per Dominum Regem Divae memoriae ipsis concessam inviolabiliter et inconensse conservetis et conservari praecipiat, ipsos in exercendis vobiscum mercantiis, quas tempore predecessorum Ducum Podoliensium fuerunt soliti et consueti, nulla praesumatis ratione. In cuius rei testimonium sigillum nostrum praesentibus est subappensum. Actum et datum in Camenecz, feria quarta post festum Nativitatis Beate Marie Virginis gloriose, Anno Domini Millessimo quadringentesimo quadragesimo tertio.

Перевод

Ян из Чижова, каштелян и староста краковский, от господина светлейшего принца, а потом государя Владислава [III], Божьей милостью короля Венгрии, Польши, Далмации, Хорватии и прочая, в Королевстве Польском должности занимающий. Даем знать этой грамотой всем желающим, всем нынешним и будущим, кому это знать надлежит. Ибо в этой комиссии каменецкой со многими господами лично собрались, к нам же обратились непосредственно армяне города Каменца, и показали права и привилегии свои, от государя нашего блаженной и вечной памяти короля Владислава [III] им предоставленные, в коих увидели пункты, что его Светлость тем армянам милостиво даровал, их права и свободы, кои от предшественников его, князей подольских, сохраняют, дал и даровал милостиво; их права с теми, коими пользуются мещане католики города Каменца, увеличиваем и пользоваться позволяем, всех и каждого делаем равными с мещанами католиками в продаже тканей, и иные товары, какие угодно, позволяем совершенно свободно [продавать]. В виду этого, вам старосты, воеводы и какие-либо урядники, равным образом войты, райцы и лавники, и вся община города Каменца, королевской волей и властью, которой наделен, приказываю, всех и каждого армян каменецких наших в свободах, от государя короля блаженной памяти им предоставленных, нерушимо и неизменно сохранять и впредь оберегать, и тех, кто с вами занимается торговлей, со времен предшествующих князей подольских, по обыкновению и обычаю, безусловно защищать. В подтверждение чего печать нашу настоящую прилагаем. Совершено и дано в Каменце, в пятницу после праздника Рождества Пресвятой Блаженной Девы Марии, лета Господнего тысяча четырехста сорок третьего.

(Перевод Осияна А.Л. по изданию: *Przedziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów.* – Wilno, 1841. – Т. 1. – S. 147–148)